

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-27-45

В. С. Срмикян¹*Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)*

«КРАСНОЯРСКИЕ ГЛАВЫ» ВОСТОЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ А. П. ЧЕХОВА И НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию «красноярского текста» русской литературы конца XIX – начала XX вв. В центре внимания находятся архивные источники, художественные произведения, эго-документы, газетные статьи, посвященные Красноярску как центру Енисейской Сибири и связанные с приездом в столицу губернии А. П. Чехова и цесаревича Николая Александровича. Делаются выводы об особенностях восприятия сибирского города, стратегиях презентации региона в публицистике и художественных сочинениях, ключевых мотивах и образах «Красноярского текста» на этапе его становления.

Ключевые слова: А. П. Чехов, архив В. Никитской, Красноярский текст, локальный текст, тревелог, цесаревич Николай Александрович

V. S. Srmikyan*Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)*

“KRASNOYARSK CHAPTERS” OF EASTERN TRAVELS OF ANTON CHEKHOV AND NICHOLAY ALEXANDROVICH, THE HEIR TO THE THRONE: RECEPTIVE ASPECT

This article studies the “Krasnoyarsk Text” of Russian literature of the late XIXth – early XXth centuries. The focus is on archival sources, fiction, egodocuments, and newspaper articles dedicated to Krasnoyarsk as the centre of the Yenisey Siberia and related to the arrival of Anton Pavlovich Chekhov and Nicholay Alexandrovich, Tsesarevich of Russia, to the capital

¹ Виолетта Сименовна Срмикян – аспирант кафедры журналистики и литературоведения, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск). E-mail: vsmikyan@sfu-kras.ru.

of the province. The paper makes conclusions about the aspects of perception of the Siberian city, strategies for presenting the region in journalism and fiction, and key motives and images of the “Krasnoyarsk Text” at the stage of its formation.

Key words: A. P. Chekhov, archive of V. Nikitskaya, Krasnoyarsk Text, local text, travelogue, Tsesarevich Nicholay Alexandrovich

Красноярский локальный текст в истории русской литературы развивался постепенно. Первым значимым событием в этом отношении стал выход «Енисейского альманаха на 1828 год», издание которого было предпринято А. П. Степановым, новоназначенным губернатором учрежденной незадолго до того в 1822 г. Енисейской губернии со столицей в Красноярске. Новая историко-географическая область сначала появилась на карте, а затем стала обретать свою идентичность в культуре и литературе. Следующий этап самосознания и презентации региона в отечественной словесности был связан с путешествиями второй половины XIX – начала XX вв. Енисейская губерния и Красноярск, получивший статус новой региональной столицы², интенсивно «картографировались» как самими путешественниками, так и местными литературными силами.

В современной гуманитаристике пристальное внимание уделено культурному картографированию территории с учетом ее исторического развития³. Так, В. Кивельсон выдвинула гипотезу о том, что жители России «воспринимали свою роль в мире в значительной степени в терминах пространства» [Кивельсон, 2012, с. 27]. Понимание и использование пространства стали тем фундаментом, на котором русский человек осознавал и описывал свое место в мире. В этом смысле Сибирь с ее отдаленностью и огромными территориями являлась моделью всей страны, а значимость пространственного мышления на периферии государства только усиливалась.

Согласно Д. Н. Замятину, «Любой литературный текст <...> является, по сути дела, актом онтологического освоения новых территорий – если рассматривать такой текст как пространственный акт, как процесс феноменологизации земного пространства с помощью особого рода ментальных действий. Всякое вторжение в чужую культуру, в чужой ландшафт означает поиски нового образно-символического языка, способного описывать и характеризовать дотоле неизвестное, малопонятное, зачастую враждебное» [Замятин, 2023, с. 67].

² Об этом см.: [Региональные столицы России – точки опоры и роста, 2023].

³ Об этом см.: [Кивельсон, 2012; Замятин, 2023; Митин, 2017].

Исследователь отмечает, что культура может не единожды осваивать одни и те же в физическом отношении территории. Повторное освоение пространства может происходить из-за его нового этапа развития или серьезных геокультурных трансформаций этих территорий.

Если «Енисейский альманах на 1828 год» в свое время обозначил новый локус на литературной карте России, то последующие тексты, освещающие поездки по Енисейской Сибири, детализировали эту карту. Иностранцы, путешественники из европейской части страны и местные авторы сравнивали Красноярск с соседними региональными столицами, намечали связи губернии с центром, проводили аналогии с другими территориями. Так происходило культурное и литературное картографирование региона, город и его окрестности обретали «метагеографическую» конкретизацию, свой индивидуальный облик. Во второй половине XIX – начале XX в. источниками формирования образа Енисейской Сибири и Красноярска в отечественной культуре становятся травелоги, путевые заметки, дневники и мемуары путешественников, а также тексты, приуроченные к приезду знаковых гостей⁴. К числу самых значимых событий исследуемого периода можно отнести приезд в Красноярск двух ключевых представителей, соответственно, литературы и власти: писателя первого ряда – А. П. Чехова в 1890 г. и наследника престола Николая Александровича в 1891 г. Оба события для города и губернии имели беспрецедентный характер: до этого Красноярск не посещали ни литературные классики, ни члены императорской фамилии.

Как известно, А. П. Чехов весной – осенью 1890 г. отправился по Московско-Сибирскому тракту на остров Сахалин⁵. 19 апреля 1890 г. писатель выехал из Москвы и 29 мая пребыл в Красноярск. По наблюдению В. С. Киселева, в этом предприятии писателю была близка культуртрегерская установка: «освоение имперской периферии мыслилось как приобщение новых земель к интеллектуальным и материальным благам европейской цивилизации» [Киселев, 2011, с. 280], а потому в отечественных колонизационных процессах, как максимально контрастный фон к цивилизационной норме, Чехова привлек радикальный опыт создания штрафных колоний. Во время путешествия автор вел путевой дневник, в котором подробно описал дорогу, трудности,

⁴ В конце XIX века по региону путешествовал епископ Енисейский и Красноярский Никодим [Енисейские епархиальные ведомости, 1909], американский журналист Джордж Кеннан [Кеннан, 1906], изобретатель радио А. С. Попов и др.

⁵ Подробнее о путешествии А. П. Чехова см.: [Капустин, 2003; Разумова, 2001, 2002].

с которыми пришлось столкнуться, климатические особенности региона и свое эмоциональное состояние на протяжении всего пути. На первый план в сознании писателя выдвигалась миссия устроения цивилизации, а литературные задачи отходили на второй план. В письме А. С. Суворину от 9 марта того же года писатель сформулировал свою позицию по поводу важности этого отдаленного региона для государства: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских. <...>. Пусть поездка моя пустяк, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если не поеду? <...>. Время мое ничего не стоит, денег у меня все равно никогда не бывает <...>. Например, вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть не ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом Кайены Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен?» [Чехов, 1976, с. 31–32].

По наблюдению К. В. Анисимова, травелог и письма Чехова сыграли большую роль в «деэкзотизации Сибири, <...> включению ее в знаковый контур общенациональной жизни» [Анисимов, 2011, с. 247]. Важной в восприятии региона становится установка, с которой путешественник начинает свой путь. В преддверии поездки Чехов проделал большую работу по изучению этнографических, географических и исторических особенностей Сибири и Сахалина. В своих письмах с января до середины апреля 1890 г. он не единожды пишет о посвященных этой проблематике книгах, взятых в библиотеке и найденных благодаря помощи старшего брата Александра, а также А. С. Суворина. Сибирь и Сахалин осознаются Чеховым как неотъемлемая и в то же время вытесненная из сферы интеллектуальной рефлексии часть России, которую он стремился узнать и описать лично. И именно чеховский травелог изменил образно-эмоциональное восприятие региона в русской литературе: «чем далее на восток, тем более просветлялась тональность его (А. П. Чехова. – В.С.) заметок» [Там же, с. 252].

Следующим определяющим событием для закрепления Енисейской губернии и Красноярска в информационном поле и на литературной карте России стал приезд наследника престола Николая Александровича. Начиная с поездки цесаревича Александра Николаевича в 1837 г., путешествие по

России осмыслялось в качестве заключительного этапа обучения и воспитания будущего императора⁶. По наблюдению Р. С. Уортмана, в первой половине XIX в. поездка преследовала две цели: «познакомить наследника с Россией и усилить, благодаря встрече лицом к лицу, чувства, которые связывали будущего императора с народом» [Уортман, 2004, с. 438]. К концу столетия традиция была переосмыслена: «Духовная связь между монархом и народом проходила через церковь и историю и не нуждалась ни в воздействии эмпирической реальности, ни в знании сегодняшней России» [Там же]. Николай Александрович отправился в десятимесячное путешествие по странам Азии, туда, где до него русские монархи и наследники престола не бывали никогда. Обратный путь цесаревича лежал через Сибирь, что позволяло посетить и осмотреть всю восточную часть империи. До этого крайней точкой, в которой побывал представитель правящей династии, был Тобольск.

Сопроводжать цесаревича Николая Александровича отправился Э. Э. Ухтомский, участник русской миссии на Востоке, специалист по восточному искусству и буддизму. 19 мая 1891 г. наследник прибыл во Владивосток, где прошла церемония освящения начала восточной ветки Транссибирской железной дороги. Событие стало «символическим утверждением о новом присутствии России на Дальнем Востоке» [Уортман, 2004, с. 466]. О значимости железной дороги, соединившей две части России, сообщалось в выпуске газеты «Новое время» от 5 августа:

«Теперь Наследник престола проехал по обширным пространствам Сибири и открыл работы по сооружению великой железнодорожной линии, предназначенной произвести величественное преобразование установлением более тесной связи между Азиатской и Европейской Россией <...>. В Сибирь Цесаревича влекло важное политическое и экономическое значение этой части Русского государства, влекло и желание изучить на месте вопрос о Сибирской железной дороге <...>, путь его по России был кроме того связан и с воплощением мероприятий, отныне долженствующих органически связать Сибирь с европейской половиной Империи <...>»⁷.

Как мы видим, и в письмах Чехова, и в официальных публикациях, приуроченных к путешествию Николая Александровича, красной нитью проходит мысль о важной роли восточной части империи, необходимости ее

⁶ Подробнее об этом см.: [Анисимова, 2021].

⁷ Новое время. № 5543. 5 августа 1891 года. С. 1.

освоения, установления связей с ней. Железная дорога должна была стать «металлическим» связующим звеном между Сибирью и Европейской Россией, а поездка цесаревича – соединить две части страны на ментальном уровне: «связью духовной, не меньшей цены и значения, и уже сказавшейся, является переезд вдоль всей Сибири Наследника Цесаревича, связью, прочность которой гораздо более сильна, потому, что она – связь духовная, не подчиняющаяся проходящим условиям времени и места»⁸.

По мнению современника Николая Александровича, издателя М. К. Элпидина, путешествие по Сибири являлось не только заключительным действием, направленным на присоединение Сибири к центральной части империи, но и актом христианского милосердия: «Ступив на почву Сибири, он (наследник престола. – В.С.) из простого туриста обратится в сына повелителя громадной империи и в этом качестве должен будет совершить несколько официальных актов. Во-первых, он будет участвовать при заложении первого рельса громадной сибирской железнодорожной линии, которая явится со временем продолжением великого пути от Канады до Восточного океана, а, во-вторых, ему предстоит совершить дело, которое в настоящее время еще более интересует жителей Сибири и, которое он, как следовало бы ожидать, выполнит со свойственной его возрасту радостной готовностью делать счастливыми окружающих его людей или, по крайней мере, облегчить их страдания, а именно – дело помилования несчастных осужденных и сосланных в холодные пустыни этой полярной страны. Это дело милосердия, конечно, будет для него лучшим из всех воспоминаний всего его путешествия» [Элпидин, 1891, с. 17].

Обратимся к образу Красноярска и Енисейской губернии у А. П. Чехова и местных авторов 1890-х гг. Известно, что путь до острова Сахалин у Чехова проходил по Сибирскому тракту. В своих письмах до начала путешествия, говоря о предстоящем маршруте, он не упоминал Красноярск: «Маршрут: река Кама, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Амур, Сахалин, Япония, Китай» [Чехов, т. 14–15, 1976, с. 14]⁹; «Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай» (с. 36). То есть изначально Красноярск отсутствовал на географической и культурной карте в сознании Чехова и не мыслился им как место, которое смогло бы произвести на него впечатление. Примечательно,

⁸ Там же.

⁹ Тексты писем А. П. Чехова цитируются по: Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30т. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

что еще до отъезда Чехов был настроен скептически по отношению к сибирским «столицам»: «Обь еще покрыта льдом, и посему от Тюмени до Томска мне придется скакать на лошадях. Местность адски скучная, хмурая» (с. 64). В письме Суворину от 18 апреля появился образ Волги, которую впоследствии автор будет сравнивать с Енисеем: «Следующее письмо получите с Волги, которая, говорят, очень хороша. Я нарочно еду в Ярославль, а не в Нижний, чтобы побольше захватить Волги» (с. 64). А. П. Чехова сопровождают чувство холода, мороз и плохие погодные условия на протяжении всей первой части восточного путешествия вплоть до Красноярска. 14 мая в письме родным он делится следующими впечатлениями: «Весна еще не началась. Зелени совсем нет, леса голы, снег не весь растаял; на озерах стоит матовый лед. 9 мая в день св. Николая был мороз, а сегодня выпал снег в 1 ½ вершка <...>. Холодно ехать... На мне полушубок. Телу ничего, хорошо, но ногам зябко. <...> К вечеру лужи и дорога начинают мерзнуть, а ночью совсем мороз, хоть доху надевай... Бррр! Тряско, потому что грязь обращается в кочки. Выворачивает душу... К рассвету страшно утомляешься от холода, тряски и колокольчиков; страстно хочется тепла и постели» (с. 78–80). 15 мая А. П. Чехов добрался до Томска и оставил о городе следующую запись: «Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы» (с. 94). В письме своим родным писатель пренебрежительно отозвался о жителях столицы Томской губернии: «Томск скучнейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие. По крайней мере мне с ними так невесело, что я приказал человеку никого не принимать» (с. 95). До Томска дорога была равнинная, после ландшафт поменялся на горный и лесной. Как отметил сам писатель, после выезда из Томска природа изменилась, началась весна, распустились деревья, и даже птицы запели (с. 96).

8 мая А. П. Чехов прибыл в Красноярск, ближе к городу дорога стала лучше, о чем он написал своему другу Суворину: «До сих пор я не ехал, а полз. Дорога и ужасная и страшная благодаря невылазной, оси ломающей грязи. Но, слава богу, около Красноярска стало лучше» (с. 97). В тот же день было написано письмо семейству Чеховых: «Последние три станции великолепны; когда подъезжаешь к Красноярску, то кажется, что спускаешься в иной мир. Из леса выезжаешь на равнину, которая очень похожа на нашу донецкую степь, только здесь горные кряжи грандиознее. Солнце блестит во всю ивановскую и березы распу-

стились, хотя за три станции назад на березках не потрескались даже еще почки. Слава богу, въехал-таки я наконец в лето, где нет ни ветра, ни холодного дождя. Красноярск красивый интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные. <...> Я согласился бы жить в Красноярске. Не понимаю, почему здесь излюбленное место для ссылки» (с. 98–100). Именно с въезда в столицу Енисейской губернии начался новый этап путешествия писателя, который во многом был связан с изменением погоды и природы, весенний сезон сменился на летний, появились яркие, теплые краски. Вместе с погодой поменялось и настроение А. П. Чехова. Если Томск еще воспринимался как *чужое* пространство, то Красноярск уже как *своё*. Местность словно не открывалась писателем впервые, а узнавалась, напоминая ему «родные» донецкие степи. Внимание автора привлекли архитектура города, чистота и ухоженность улиц. Сибирь предстала перед ним не как место ссылки, а как пригодное для жизни пространство. Таким образом, был оспорен стереотип о том, что Сибирь – это исключительно место для отбывания наказания. Личное посещение города способствовало появлению Красноярска на географической и культурной карте в сознании А. П. Чехова.

В ходе путешествия писатель создал яркий художественный образ Енисея – реки, которая сильно повлияла на его эмоциональное состояние: «Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха – всё, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу» (с. 101), «Природа же, которую боготворят инородцы, уважают наши беглые и которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея» (с. 35). Как мы видим, Красноярск выступил рубежной точкой в представлениях Чехова о региональных столицах, а Енисей сыграл роль своего рода фронта в осмыслении сибирской природы, которая произвела на него сильное впечатление, что в дальнейшем послужило импульсом для развития образа Енисейской Сибири в русской литературе.

Чехов проводит параллель между ландшафтом Енисейской Сибири и Кавказа: «На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том – горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные» [Там же]. Столица губернии и окружающая его природа вновь воспринимаются автором как *свои*, напоминают ему о знакомых

южных краях. Осваивая новый регион, писатель последовательно сопоставлял его со своими родными краями, используя художественные приемы параллелизма и противопоставления: «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. <...> на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно <...>, кажется странным, что этот силач (Енисей. – В.С.) не смыл еще берегов и не пробуравил дна» [Там же]. Енисей наделяется антропоморфными характеристиками «силач», «богатырь», что созвучно с общим образом мощной и бескрайней сибирской природы. А европейская часть России в образе Волги предстает в творческом сознании Чехова в виде прекрасной девушки, что делает союз двух больших частей страны естественным и гармоничным.

Иначе говоря, в изданиях, освещавших поездку августейшей особы, а также в публичной и частном эпистолярии Чехова (художественные «Письма из Сибири» и приватные письма родным и знакомым) подчеркивался материально-духовный характер связи между регионами – материальная связь обеспечивалась беспрецедентным проектом самой длинной в мире железной дороги, а духовная – привносилась с приездом будущего императора, присутствие которого словно освящало магистраль, вдыхало в нее жизнь. Чехов для передачи близкой мысли о связанности европейской части России и восточных окраин государства избрал фольклорный по происхождению мотив объединений территорий как *брачного союза* (ср. в сборнике Кириши Данилова: «Когда Москва женилась, Казань понела, / Понизовные города в приданья взела: / Иркутска, Якутска, Енисейской городок, / А и Нов-город был тысяцкой, / А Уфа-та... свах была...») [Древние российские стихотворения..., 1977, с. 221])¹⁰.

В красноярской периодике поездка писателя не освещалась. Культурный и литературный эффект от посещения Чеховым восточной периферии страны имел отложенный характер и проявился главным образом после публикации его травелогов и писем. Знаковый характер путешествия Чехова приобрело в работах областников. Так, Н. М. Ядринцев писал в «Восточном обозрении»: «Читаю в газетах, что на наш Восток, в Сибирь, отправился целый ряд путе-

¹⁰ Здесь и далее курсив наш. – В.С.

шествеников. Читаю письма г. Антона Чехова в “Новом времени”, слежу за письмами профессора Исаева, узнаю, что в Сибирь собираются какие-то иностранцы, а за ними велосипедисты. Что-то они найдут, как-то опишут Сибирь? Ведь это будет суд над моею родиной, над моими соотечественниками. Проезд путешественника по Сибири – это род экзамена, род генерального смотра» [Неисправимый резонер, 1890, с. 7].

Посещение Сибирского региона цесаревичем Николаем Александровичем, напротив, имело публичный характер и сопровождалось новостными заметками в газетах и журналах. Визит наследника престола в Красноярск и вызванное им оживление культурной и литературной жизни губернии стали важной вехой в самосознании региона. Итогом путешествия стал шеститомный иллюстрированный отчет о поездке Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891» [Ухтомский, 1897], который вышел на русском языке в 1893–1897 гг., а впоследствии был переведен на английский, французский, немецкий и китайский языки. В книге было подробно описано все путешествие наследника, в том числе его посещение Енисейской губернии и Красноярска, его визиты в учебные и общественные учреждения города.

В день приезда будущего Николая II стояла хорошая погода: «Весь день 28 июня, в особенности к вечеру, был душный, пыль стояла столбом и даже солнца не было видно при закате, от покрывшей его мглы, а потому немудрено, что лошади крайне утомились и проезд прибыл позднее, чем ожидался по маршруту. В эту ночь, на 29 июня, – была сильная буря, разразилась гроза, после которой настало прохладное утро, спала нестерпимая жара предшествующих дней, что вместе с прекрасной дорогой (в сравнении с иркутским трактом) делало путешествие более приятным» [Там же, с. 73–74]. Образ грозы, постоянно появляющийся в текстах, приуроченных к прибытию Николая Александровича в Красноярск, сыграл особую роль в восприятии этого беспрецедентного для города события. Изначально образ был связан с реальным природным явлением, предшествовавшим появлению наследника, но в перспективе приобретал метафорический характер. А. М. Панченко и Б. А. Успенский отмечали, что «существительное “гроза” появляется там, где речь идет о порядке государства, об обязанности монарха “исправлять и здержати” города и веси, “установить” определенные правила поведения в монастырях и в миру» [Панченко, Успенский, 2002, с. 475]. С точки зрения русского средневекового человека, гроза – это Божий суд. В культуре и лите-

ратуре последующих эпох сохранилась ассоциативная связь молнии и грома с Божьей волей и даже Божьей милостью. В таком контексте гроза, предвещающая приезд будущего государя, воспринималась в сакраментальной перспективе.

Гостей же поразило то, как оформили здания и пристань к приезду наследника: «Здания и пристань были декорированы флагами и зеленью, а путь Его Высочества от арки до самого парохода был устлан коврами и усыпан зеленью и живыми цветами. Во все время следования Его Высочества с пристани на пароход народ восторженно приветствовал Дорогого путешественника единодушными не смолкавшими криками “ура”. Толпа народа долго не умолкала еще после того, как пароход отплыл по Енисею по направлению в Красноярск. Громкое “ура” раздавалось до тех пор, пока пароход совсем не исчез из вида» [Ухтомский, 1897, с. 76]. За проведенное в Красноярске время цесаревич посетил мужское духовное училище, женскую гимназию, городское училище. Учебные здания были тщательно украшены: «Государь Наследник изволил сесть в экипаж и направиться кругом здания ко входу во двор, устроенному в виде арки и украшенному вензелями, зеленью и флагами» [Там же, с. 81].

В красноярской периодике прибытию цесаревича было отведено центральное место. О приезде написали в двух изданиях, существовавших в то время – газете «Енисейские губернские ведомости» и журнале «Енисейские епархиальные ведомости». В неофициальном отделе «Енисейских епархиальных ведомостей» вышла статья К. Успенского «Приснопамятный день для Енисейской епархии – 1 июля 1891 года» [Успенский, 1891]. В ней отмечалось, что местное население ожидало гостя с большим нетерпением: «Усердно молилось Господу сибирское население за здоровье Царственного Путешественника и горело желанием узреть Великого Гостя. Всюду начались деятельные приготовления к торжественной встрече Его. И чем более сокращалось расстояние, отделявшее Его Высочество от жителей Красноярска, тем более росло в них желание встретить Желанного. Наконец желание исполнилось» [Там же, с. 220].

В газете «Енисейские губернские ведомости» была опубликована статья «Путешествие его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича по Енисейской губернии». Материал состоял из двух частей, первая из которых вышла 7 сентября, а вторая – 14 сентября. Автор отметил, что к приезду цесаревича край и город оживились: «Едва достигла радостная весть о предстоящем посещении Государем Наследником цесаревичем Сибирского края, как весь этот край ожил и стал деятельно приготовляться встретить с радушием и почетом

Высокого Путешественника. Не отстала от других и наша Енисейская губерния» [Лазарев, 1891]. По словам автора, в городе была проведена тщательная подготовка к приезду наследника: «На всем протяжении следования Его Высочества, на 524 верстном расстоянии, города и села принимали обновленный вид: всюду красились и подновлялись дома, починались дороги, строились и ремонтировались мосты, воздвигались триумфальные арки и все здания стали украшаться флагами и зеленью» [Там же, с. 8]. Позднее обе части статьи вышли в «Памятной книжке Енисейской губернии 1891 года» [Памятная книжка Енисейской губернии, 1891].

С прибытием наследника оживилась не только культурная, но и литературная жизнь города. В архиве Красноярского краевого краеведческого музея сохранились неопубликованные дневники и рукописи бывшей учительницы Красноярской женской гимназии Варвары Александровны Никитской¹¹, посвятившей приезду Николая Александровича отдельный стихотворный сборник – «Отклики Сибири», состоящий из 18 сочинений. Одно из стихотворений Варвары Никитской было разрешено к исполнению в присутствии Его Высочества в Красноярской учительской семинарии, а сам сборник задумывался автором в качестве подарка наследнику престола. Остановимся на ключевых мотивах и образах «Откликов Сибири».

Во-первых, в произведениях Никитской приезд Николая Александровича был равноценен приезду всей императорской семьи. В своих стихах автор обращается не только к цесаревичу, но и «Царю Батюшке», «Царице Матушке», всей «Державной семье»: «Сын семьи дорогой нам Державной / Да хранит Тебя Бог много лет» [ГАКК, л. 353] (Приветственный гимн Е.И.В.Г.Н.В.Ц.К.Н.А.); «Понеслися приветствия звуки / Из здоровой Сибирской груди / На встречу желанному Гостю / Надежде державной семьи // Слава Царю Батюшке / Самодержавному / Слава /2/ Слава Царице Матушке / Многомилостивой / Слава /2//» [Там же, л. 356] («Е.И.В.Г.Н.Ц.В.К.Н. А. От Сибири»)¹².

Во-вторых, в центр сборника помещен мотив оживления региона и самих сибиряков в связи с приездом наследника престола: «Встрепенулся наш Север угрюмый, / Оживился далекий Восток / И, питая заветные думы, / Ждал он летнего солнца восход» («Е.И.В.Г.Н.Ц.В.К.Н. А. От Сибири») [Там же].

¹¹ С 1882 года Варвара Александровна преподавала французский язык в женской гимназии, а с 1886 по 1887 занимала должность начальника гимназии.

¹² Подчеркнуто нами. – В.С.

Как было сказано выше, прибытие Николая Александровича совпало с наступлением сибирского лета, а потому образ пробуждения северо-востока под лучами солнца приобретал одновременно природоописательный и метафорический характер. Но с учетом того, что сборник был подготовлен заранее в дар высокому гостю, т.е. до установления хорошей погоды, переносное значение *пробуждения* и оживления Сибири являлось основным.

В-третьих, в описаниях сибирской природы Никитская использует поэтическую стратегию потепления региона. Данный мотив был важен для красноярских авторов на протяжении всего XIX в. поскольку «воображаемый образ Сибири» как «царства хлада и снегов» был глубоко закреплён в сознании читателей европейской части страны. Местные литературные силы стремились развенчать этот миф, созданный К. Ф. Рылеевым в поэме «Войнаровский» (1823): «В часы суровой непогоды / Любил рассказы стариков / Про Ермака и Козаков, / Про их отважные походы / По царству хлада и снегов» [Рылеев, 1934, с. 202].

Спустя несколько лет после выхода поэмы красноярскими авторами был подготовлен и выпущен «Енисейский альманах на 1828 год»¹³, в котором были оспорены некоторые мифы и стереотипы, связанные с Зауральем, а сибирские пейзажи показаны с точки зрения местных уроженцев: «орошенная бесчисленными источниками, в долинах, покрытых наимоногочисленными стадами и в лугах, обогащенных сочными произрастениями; пространнейшая площадь сия покоится под небом ясным и благорастворенным, даже в конце самого Октября, не взирая на 52 и 54 только градусы широты» («Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской губернии»¹⁴) [Енисейский альманах, 2008, с. 46].

В 1886 г. Н. М. Ядринцев инициировал дискуссию по данной теме в областной газете «Восточное обозрение»: «Когда одному из русских молодых поэтов мы объяснили, на сколько представление о Сибири как о “стране метелей и снегов” ложно, что в ней не одни цепи, а есть и привольная

¹³ Составителем альманаха стал первый губернатор Енисейской Губернии А. П. Степанов. В альманахе были опубликованы произведения самого губернатора и местных литераторов: И. М. Петрова, А. К. Кузьмина, С. Расказова и др. Сам сборник получил высокую оценку в столичной критике и стал отправной точкой к появлению Красноярска и Енисейской Сибири на «литературной карте» России.

¹⁴ По указанию Г. А. Толстой, автором очерка, подписавшегося инициалом S., был губернатор А. П. Степанов [Толстова, 2008, с. 5].

жизнь и богатая природа, – он ответил наивно искренно: – “Положим, это так, но знаете, в стихотворении позвольте уж изобразить ее суровую страную метелей и вьюг. Мы так к этому привыкли, это так принято, да и для поэзии удобнее!” И действительно Сибирь в России превратили в поэтический символ безотрадной, глухой страны с одним страданием, потому что этот символ, эмблема, были нужны в поэзии, как отвлеченный образ в мифологии» [Ядринцев, 1886, с. 10].

Варвара Никитская в своих стихотворениях особое внимание уделила противопоставлению тепла и холода, стремясь продемонстрировать меняющийся образ Сибири и зафиксировать момент разрушения стереотипа: «Велика Сибирь родная / И пустынна, холодна; / Но согрелась, дорогая, / Царской милостью она», «Согревает Сибирскую кровь», «Холодна страна изгнания, / Но вошла над ней заря», «И одной теперь мыслью согрета / Жизнь холодная Сибиряка» [ГАКК, л. 353].

Успех поэтической стратегии потепления региона подкреплялся реальными обстоятельствами. Как говорилось выше, летнее время года и прекрасная погода в дни приезда цесаревича способствовали переосмыслению образа губернской столицы и ее окрестностей. Так, сибирский ландшафт в стихотворениях Никитской показан как помещение для торжественной встречи, украшенное коврами, изумрудами и бирюзой: «Устиляет путь пестрый ковер, / Бирюзой на безоблачной выси», «Изумрудом сверкают леса» [Там же, л. 356]. Ранее авторы «Енисейского альманаха на 1828 год» уже пытались изменить сложившийся образ Сибири как холодной пустыни, где нет цветов и зелени. В стихотворении «Картины времен завоевания Сибири» И. М. Петрова и процитированном выше «Взгляде на физическое положение...» Степанова были представлены аналогичные образы сибирской растительности как ковра: «Раствлав ковры на поле чистом / Вокруг пылающих огней», «берега покрыты пикульником, или ирисами, называемых в Европейской России касатиками. На голубом ковре из сих цветов, разбросаны белые берестовые юрты народов кочующих» [Там же, с. 73, 45]. Как мы видим, спор о том, как соотносится действительная Енисейская Сибирь со сложившимися стереотипами о ней, был начат красноярскими авторами еще в 1820-е гг. и в конце столетия продолжен публицистами и литераторами.

Таким образом, близкие друг другу по времени сибирские вояжи А. П. Чехова и наследника престола Николая Александровича стали ключевым этапом формирования «Красноярского текста» конца XIX в. Благоприятный отклик Чехова о губернском центре, восприятие его как *своего*, узнаваемого

пространства в письмах и путевых заметках стали точкой отсчета в становлении образа Красноярска в русской литературе. Посещение Енисейской губернии знаменитыми путешественниками дало новый импульс для развития самосознания региона и местных литературных сил, стремящихся разрушить представление о Сибири как «царстве хлада и снегов». Травелог крупного столичного писателя и знаковый визит будущего императора символически совпали со строительством Транссибирской магистрали. Железная дорога объединяла две прежде обособленные части страны: европейскую и восточную, а писатели и журналисты создавали соответствующие художественные образы – прочной материально-духовной связи регионов и брачного союза двух главных рек страны: «красавицы Волги», олицетворяющей центральную часть России, и Енисея, «могучего сибирского богатыря». Публикации Чехова и освещение поездки наследника в отчетах, периодике и произведениях местных авторов продемонстрировали их общее стремление к единству национального пространства, гомогенности территории России и преодолению взгляда на Сибирь как на отдаленную колонию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анисимов, К. В.** Сибирско-сахалинский травелог А. П. Чехова в истории художественного «воображения» Зауралья: между природой и обществом / К. В. Анисимов // Чехов и время: сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 246–260.
2. **Анисимова, Е. Е.** Цесаревич Александр Николаевич (1818–1881) и В. А. Жуковский (1783–1852) / Е. Е. Анисимова // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 1. 2-е изд. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021. – С. 525–538.
3. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Фонд В. А. Никитской. Тетрадь со стихами. Л. 353–356.
4. **Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым** / подг. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова. – Москва: Наука, 1977. – 487 с.
5. **Енисейский альманах на 1828 год** / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Государственное учреждение культуры Красноярский краевой краеведческий музей. 2-е изд., доп. – Красноярск: Поликор, 2008. – 112 с.
6. **Замятин, Д. Н.** Сопространственность и геокультурные тексты: от литературных колонизаций к трансграничным картографиям воображения / Д. Н. Замятин // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 4 (81). – С. 66–75.
7. **Капустин, Н. В.** Древнерусские «хождения» и книга Чехова «Остров Сахалин» / Н. В. Капустин // А. П. Чехов: Байкальские встречи: сб. науч. тр. / под ред. А. С. Собенникова. – Иркутск: РИО Иркут. ун-та, 2003. – С. 64–76.

8. **Кивельсон, В.** Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / В. Кивельсон. – Москва: Изд-во НЛЮ, 2012. – 360 с.
9. **Киселев, В. С.** «Русская Австралия»: маргинализация колониальных окраин в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / В. С. Киселев // Чехов и время: сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 279–294.
10. **Кеннан, Дж.** Сибирь и ссылка: в 2 ч. / Дж. Кеннан. – Санкт-Петербург: В. Распопов, 1906. – 286 с.
11. **Лазарев, Д.** Путешествие его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича по Енисейской губернии / Д. Лазарев // Енисейские губернские ведомости. – 1891. – № 36. – С. 8–9.
12. **Митин, И. И.** Комплексные географические характеристики и ментальные карты в культурной географии / И. И. Митин // От карты прошлого – к карте будущего. Т. 1. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – С. 188–195.
13. **Неисправимый резонер** (Н. М. Ядринцев). В столичной прессе о Сибири // Восточное обозрение. – 1890. – № 40. 7 окт. – С. 8–9.
14. **Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года с адрес-календарем:** Издание Енисейского Губернского Статистического Комитета. – Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1892. – 178 с.
15. **Панченко, А. М.** Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха / А. М. Панченко, Б. А. Успенский // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – С. 457–478.
16. **Путешествие Преосвящ. Никодима, первого епископа Енисейского** и Красноярского, из Красноярска в Ачинский и Минусинский уезды и на Ангару, в 1863 г. / сообщ. А. Богданов // Енисейские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 20–26.
17. **Разумова, Н. Е.** Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства / Н. Е. Разумова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. – 522 с.
18. **Разумова, Н. Е.** Чехов и Сибирь: уход, жизнь, смерть / Н. Е. Разумова // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. – Новосибирск: СО РАН, 2002. – С. 89–110.
19. **Региональные столицы России – точки опоры** и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.) / Институт истории и археологии УрО РАН, отв. ред. д.и.н. Н. В. Суржикова. – Екатеринбург: «Альфа Принт», 2023. – 496 с.
20. **Рылеев, К. Ф.** Войнаровский / К. Ф. Рылеев // Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений / ред., вступ. ст. и коммент. А. Г. Цейтлина. – Москва; Ленинград: Academia, 1934. – С. 192–229.

21. **Толстова, Г. А.** Предисловие / Г. А. Толстова // Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Государственное учреждение культуры Красноярский краевой краеведческий музей. 2-е изд., доп. – Красноярск: Поликор, 2008. – С. 1–7 (первой пагинации).

22. **Уортман, Р. С.** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II; пер. с англ. И. А. Пильщикова / Р. С. Уортман. – Москва: ОГИ, 2004. – 796 с.

23. **Успенский, К.** Приснопамятный день для Енисейской епархии – 1 июля 1891 года / К. Успенский // Енисейские епархиальные ведомости. – 1891. – № 15. – С. 220–231.

24. **Ухтомский, Э. Э.** Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 3 томах, 6 частях]. Т. 3. Ч. 5–6 / Э. Э. Ухтомский. – Санкт-Петербург; Лейпциг: Типография Ф. А. Брокгауза, 1897. – 260 с.

25. **Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4: Письма: Январь 1890 – февраль 1892 / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1976. – 654 с.

26. **Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 14–15: Сочинения: Из Сибири; Остров Сахалин. 1890–1895 / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1987. – 924 с.

27. **Элпидин, М. К.** Цесаревич. Его путешествие и покушение на его жизнь. 11 мая / М. К. Элпидин. – Genève: M. Elpidine, 1891. – 24 с.

28. **Ядринцев, Н. М.** Живая струя Сибирской поэзии / Н. М. Ядринцев // Восточное обозрение. – 1886. – № 4. – С. 9–12.

REFERENCES

1. **Anisimov, K. V.** Sibirsko-sahalinskij travelog A. P. Chekhova v istorii hudozhestvennogo «voobrazheniya» Zaural'ya: mezhdru prirodoy i obshchestvom / K. V. Anisimov // Chekhov i vremya: sb. statej. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – S. 246–260.

2. **Anisimova, E. E.** Cesarevich Aleksandr Nikolaevich (1818–1881) i V. A. Zhukovskij (1783–1852) / E. E. Anisimova // Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn. Kn. 1. 2-e izd. – Moskva: Izdatel'skij Dom YaSK, 2021. – S. 525–538.

3. **Chekhov, A. P.** Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 4: Pis'ma: Yanvar' 1890 – fevral' 1892 / A. P. Chekhov. – Moskva: Nauka, 1976. – 654 s.

4. **Chekhov, A. P.** Polnoe sobranie sochinenij i pisem: 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 14–15: Sochineniya: Iz Sibiri; Ostrov Sahalin. 1890–1895 / A. P. Chekhov. – Moskva: Nauka, 1987. – 924 s.

5. **Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym** / podg. A. P. Evgen'evoy i B. N. Putilova. – Moskva: Nauka, 1977. – 487 s.
6. **Elpidin, M. K.** Cesarevich. Ego puteshestvie i pokushenie na ego zhizn'. 11 maya / M. K. Elpidin. – Genève: M. Elpidine, 1891. – 24 s.
7. **Enisejskiĭ al'manah na 1828 god** / sost. I. Petrov; predisl. G. Tolstovoĭ; Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury Krasnoyarskiĭ kraevoĭ kraevedcheskiĭ muzeĭ. 2-e izd., dop. – Krasnoyarsk: Polikor, 2008. – 112 s.
8. **Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK)**. Fond V. A. Nikitskoj. Tetrad' so stihami. – L. 353–356.
9. **Kapustin, N. V.** Drevnerusskie «hozhdeniya» i kniga Chekhova «Ostrov Sahalin» / N. V. Kapustin // A. P. Chekhov: Bajkal'skie vstrechi: sb. nauch. tr. / pod red. A. S. Sobennikova. – Irkutsk: RIO Irkut. un-ta, 2003. – S. 64–76.
10. **Kennan, Dzh.** Sibir' i ssylka: v 2 ch. / Dzh. Kennan. – Sankt-Peterburg: V. Raspopov, 1906. – 286 s.
11. **Kivel'son, V.** Kartografii carstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka / V. Kivel'son. – Moskva: Izd-vo NLO, 2012. – 360 s.
12. **Kiselev, V. S.** «Russkaya Avstraliya»: marginalizaciya kolonial'nyh okrain v knige A. P. Chekhova «Ostrov Sahalin» / V. S. Kiselev // Chekhov i vremya: sb. statej. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – S. 279–294.
13. **Lazarev, D.** Puteshestvie ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya naslednika cesarevicha po Enisejskoj gubernii / D. Lazarev // Enisejskie gubernskie vedomosti. – 1891. – № 36. – S. 8–9.
14. **Mitin, I. I.** Kompleksnye geograficheskie karakteristiki i mental'nye karty v kul'turnoĭ geografii / I. I. Mitin // Ot karty proshlogo – k karte budushchego. T. 1. – Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2017. – S. 188–195.
15. **Neispravimyj rezoner (N. M. Yadrincev)**. V stolichnoj presse o Sibiri // Vostochnoe obozrenie. – 1890. – № 40. 7 okt. – S. 8–9.
16. **Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii 1891 goda s adres-kalendarem**: Izdanie Enisejskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. – Krasnoyarsk: Enisejskaya Gubernskaya Tipografiya, 1892. – 178 s.
17. **Panchenko, A. M.** Ivan Groznyj i Petr Velikij: Konceptii pervogo monarha / A. M. Panchenko, B. A. Uspenskij // Iz istorii russkoj kul'tury. T. II. Kn. 1. Kievskaya i Moskovskaya Rus'. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – S. 457–478.

18. **Puteshestvie Preosvyashch. Nikodima, pervogo episkopa Enisejskogo** i Krasnoyarskogo, iz Krasnoyarska v Achinskij i Minusinskij uezdy i na Angaru, v 1863 g./ soobshch. A. Bogdanov // Enisejskie eparhial'nye vedomosti. – 1909. – № 11. – S. 20–26.

19. **Razumova, N. E.** Chekhov i Sibir': uhod, zhizn', smert' / N. E. Razumova // Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika. – Novosibirsk: SO RAN, 2002. – S. 89–110.

20. **Razumova, N. E.** Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva / N. E. Razumova. – Tomsk: zd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2001. – 522 s.

21. **Regional'nye stolicy Rossii – tochki opory** i rosta: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg–Perm', 20–22 sentyabrya 2023 g.) / Institut istorii i arheologii UrO RAN, otv. red. d.i.n. N. V. Surzhikova. – Ekaterinburg: «Al'fa Print», 2023. – 496 s.

22. **Ryleev, K. F.** Vojnarovskij / K. F. Ryleev // Ryleev K. F. Polnoe sobranie sochinenij / red., vstup. st. i komment. A. G. Cejtlina. – Moskva; Leningrad: Academia, 1934. – S. 192–229.

23. **Tolstova, G. A.** Predislovie / G. A. Tolstova // Enisejskii al'manah na 1828 god / sost. I. Petrov; predisl. G. Tolstovoï; Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury Krasnoyarskii kraevoï kraevedcheskii muzeï. 2-e izd., dop. – Krasnoyarsk: Polikor, 2008. – S. 17 (pervoj paginacii).

24. **Uortman, R. S.** Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii: v 2 t. T. 2: Ot Aleksandra II do otricheniya Nikolaya II; per. s angl. I. A. Pil'shchikova / R. S. Uortman. – Moskva: OGI, 2004. – 796 s.

25. **Uspenskij, K.** Prisnopamyatnyj den' dlya Enisejskoj eparhii – 1 iyulya 1891 goda / K. Uspenskij // Enisejskie eparhial'nye vedomosti. – 1891. – № 15. – S. 220–231.

26. **Uhtomskij, E. E.** Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika cesarevicha, 1890–1891: [v 3 tomah, 6 chastyah]. T. 3. Ch. 5–6 / E. E. Uhtomskij. – Sankt-Peterburg; Lejpcig: Tipografiya F. A. Brokgauza, 1897. – 260 s.

27. **Yadrincev, N. M.** Zhivaya struya Sibirskoj poezii / N. M. Yadrincev // Vostochnoe obozrenie. – 1886. – № 4. – S. 9–12.

28. **Zamyatin, D. N.** Soprostanstvennost' i geokul'turnye teksty: ot literaturnyh kolonizacij k transgranichnym kartografiyam voobrazheniya / D. N. Zamyatin // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2023. – № 4 (81). – S. 66–75.